

Когда Майк умер, не было никаких фанфар, никто даже отдаленно не бился об этом. Когда я закричал и закричал из его комнаты, чтобы кто-нибудь мне помог, я не видел там никого, даже никого, кому хоть отдаленно было бы интересно, о чём я плакал; я был в отчаянии. В конце концов, я сам позвонил в 911 и рассказал им, что случилось с моим дорогим другом, и что я нашел его калечащий труп, висящий на потолке.

Через несколько минут приехали полицейские вместе с машиной скорой помощи, и они поехали по своим делам, чтобы перевезти тело Майка в морг. После еще нескольких бесед и допросов в полицейском участке, детектив сказал мне, что я должен идти домой, прежде чем сообщать мне очевидную новость, Майк уже мертв, я больше не нужен полиции, потому что у них уже есть все, что нужно. Он нежно постучал мне по спине, прежде чем сказать, чтобы я пошла домой и отдохнула. Я знал, что он имел это в виду, потому что, когда я посмотрел на свое отражение в зеркале в комнате для допросов, я понял, что мое лицо выглядит таким же мертвым, как и Майк, когда я увидел ее труп, висящий на его потолке. Офицеры любезно согласились подбросить меня домой, от чего я хотел отказаться, но детектив настоял на том, чтобы я принял его предложение. Я больше не спорил и позволил больше моим слезам течь во время бесшумной поездки домой в полицейской машине. Найти авторизованные романы в Webnovel, быстрее обновления, лучший опыт, пожалуйста, нажмите www.webnovel.com для посещения.

Через три дня я посетила больницу и узнала, что у Майка нет никаких непосредственных контактов, кроме меня - ни семьи, ни друзей, ни других людей, которые могли бы позаботиться о его смерти. Очевидно, что он был уже мертв за три дня до того, как я нашел его мерзкий труп в холодной темноте его комнаты. Доктор даже подчеркнул, что Майк должен быть благодарен мне по многим причинам, потому что если бы я не навещал его в то время, он, вероятно, остался бы там до тех пор, пока единственное, что мы могли найти, это его скелет, танцующий вокруг его одинокой комнаты, или кто-то пожаловался бы на мутный запах, исходящий от него. Тем не менее, я даже не смог отблагодарить себя за это, потому что приехал слишком поздно, на три дня опоздал. Если бы я пришла раньше, возможно, все закончилось бы хорошо для Майка. Возможно, было бы лучше.

Как ни странно, когда я пошла в больницу, врачи сообщили мне, что кто-то оплатил его больничный счет. В то время я была слишком уставшей и разбитой, чтобы думать о человеке, который оплатил больничные счета Майка вместе с его похоронами. Я просто подумала, что, может быть, у него есть какая-то страховка или что-то в этом роде. Тем не менее, я ненавидела это; я уже считала все деньги, которые у меня остались, и тратила их на больничные счета Майка и давала ему лучшие похоронные услуги, которые когда-либо видела мир, но я даже не могла сделать для него такую мелочь. Я чувствовала, что меня сейчас вырвет каждый раз, когда я думаю об этом. Я отвратителен к себе, потому что даже после того, как его жизнь перелетела на другой берег, я не мог ему помочь.

Затем я разместил некролог Майка и везде, где только мог, сообщил его семье о его кончине. В том некрологе я выложил фотографию Майка, которую мы сделали, когда последний раз видели друг друга в баре, вместе с другой его фотографией, когда он еще учился в старших классах, которую я случайно нашел в его альбомах на Facebook, вспоминая дни, когда он был жив. Я также написал свою контактную информацию и где я планировал провести похороны Майка там в надежде, что кто-то из членов его семьи заметит это. Я постаралась сделать это

так хорошо, я разместила это везде и сделала все, что могла, чтобы все знали, что такая замечательная жизнь когда-то существовала в этом мире, и сейчас лучшее время для них, чтобы их любовь к нему стала известна.

Еще через три дня, наконец, начался первый день похорон, и ни одна душа, кроме меня, не присутствовала. Я был вне всякого сомнения сломлен, ибо я чувствовал, что все мое тело перестало функционировать хорошо. Я не чувствовал себя так, когда умерла моя мать - это своего рода одиночество и крайняя печаль, идущая из ямы, формирующейся глубоко внутри моей груди; я никогда не чувствовал такой абсолютной формы изоляции, как если бы я осмотрел пустую комнату, где должен был быть траур по мертвому телу Майка.

Наконец, в тишине растущей смерти вокруг меня, мне наконец-то удалось успеть обработать все, что со мной случилось. Я плакал, я плакал больше, чем когда-либо за всю свою жизнь. Я встал на колени перед гробом Майка после того, как посмотрел на его мирное и красивое лицо, думая о том, как такая беспокойная душа сумела оставить такую спокойную оболочку. Мой булькающий голос перекликался с эхом по пустой комнате, когда мой взгляд бродил вокруг стульев, в которых не было жизни, как будто, наконец, поразил мой разум.

Здесь нет другой жизни, кроме меня: нет других живых людей, нет другой души, которая могла бы стать свидетелем моей печали о моем друге - моем друге, который вернулся ко мне так же внезапно, как и тогда, когда он умер. Мне казалось, что я не заслуживаю того горя, которое испытываю, поскольку мои слезы продолжали течь и стекать из моих глаз, пока я стучал обеими руками по полу.

Понимаете, я даже не могла злиться на Майка из-за того, что он сделал с собой. Во мне не было достаточно причин, и у меня не было достаточно людей, чтобы вызвать какой-то пусковой эффект, который бы вывел мой гнев в стратосферу. Я мог только сожалеть, что меня не было рядом с ним в его последние часы; я даже не видел, как он боролся, пока веревка рвалась сквозь кожу вокруг его шеи, и не видел чистой меланхолии на его лице, пока он готовился сделать то, что он натворил.

Похороны длились всего два дня. Когда тело Майка опустили на 6 футов ниже, я все еще был единственным, кто плакал о нем. Когда я вернулся домой после того, как увидел имя Майка, выгравированное на каменной гробнице, я был единственным, кто плакал о нем. Проходили дни, и никто не связывался со мной, чтобы узнать больше о Майке или спросить, какова жизнь Майка, прежде чем он, в конце концов, покончил с собой.

Нет ни одного журналиста, который бы пошел ко мне и спросил о его ужасной жизни и о том, как все это привело к его смерти. Полиция отказалась от дела в день, когда оно было выдвинуто в их офис, потому что, ну, что еще они могут ответить, когда все выводы уже находятся в его комнате? Ни один из членов семьи не был рядом с его гробом, чтобы скорбеть и говорить о его чудесной жизни, как кучка лицемеров, которые никогда на самом деле не знали, кто он такой, пока он неизбежно не умер.

Смерть Майка просто кажется слишком... ненужной для более грандиозной схемы жизни теперь, когда я видел ее целиком. Никого не волнует смерть кого-то, когда по всему миру

происходят сотни подобных случаев. Нет никакого сочного повествования вокруг самоубийства Майка или любой истории, которая привлекла бы внимание людей. В нем нет такого количества грязных игр, которые заставили бы мир задуматься над тем, чтобы заставить их задавать больше вопросов об этом.

В этом мире я единственный, кто думает, что жизнь и смерть Майка не скучны. Я единственный, кому не все равно, поэтому я единственный, кто должен вынести все слезы за это. С кем я могу даже довериться этим чувствам, когда единственный человек, с которым я могу поговорить об этом, является единственной причиной, почему я чувствую себя так в первую очередь? Если никто не вспомнит его, кто вспомнит? Я постоянно напоминал себе, что должен выгравировать во мне память о Майке до тех пор, пока я умираю и чту его жизнь так, как он того заслуживает.

Я вышел, и когда я, наконец, увидел бурлящую жизнь вокруг, я позволил своим плечам опуститься, как слезы перестали струиться из моих глаз.

Моя мать умерла.

Мой лучший друг умер.

Моя карьера мертва.

Я наконец-то осмелился принять это, потому что, в отличие от всех этих вещей, я еще не мертв.

Когда я вернулся домой с ашеновым выражением лица, то, что приветствовало меня внутри комнаты, было не тем, к чему я обычно приходил, но это все еще было что-то знакомое, очень знакомое мне.

Когда я открыла дверь, я увидела комнату Майка.

Каким-то образом темнота окружающей обстановки и холод атмосферы заставили меня вспомнить то, что произошло неделю назад. Таким образом, с содроганием, изображение мертвого тела моей матери появилось прямо перед моими глазами, когда я стояла там, неподвижно, посреди подъезда Майка. Изображение моей матери, лежащей на металлической кровати, стало настолько реальным, что я каким-то образом почувствовал, как разлагающийся аромат торчит у меня из носа. Каким-то образом я почувствовала только жуткую пустоту, образовавшуюся внутри меня, когда увидела, что верхняя часть тела моей матери медленно поднимается с белым одеялом, все еще прилипшим к его телу. Внезапно, ее лицо начало кровоточить, показывая малиновый силуэт ее ебанный взгляд лица. Тем не менее, она все еще не разжаловала мое онемевшее тело, как если бы я был просто еще одним трупом, глядя на другой в своем роде. Я прошел мимо этого жуткого образа, как если бы это была просто голограмма, которую я мог бы пройти с наибольшей легкостью. Образ моей матери хрюкнул неотличимым и хриплым шумом, доносившимся из её рта, когда я уходил от него с почерневшими глазами и агапой во рту.

Наконец, когда я увидел свою кровать, я понял, что она окружена тем же, что и комната Майка - у меня нет кондиционера. Тем не менее, я чувствовала, как он проникает в мою кожу, в то время как все внутри моей квартиры превратилось в образ последнего святилища Майка. Единственное, что осталось прежним, это мой новый каркас кровати и новый матрас. На вершине моей кровати, был труп Майка висел на потолке с веревкой плотно заперты на шее. Он висел из стороны в сторону, как маятник на трещине, как кровь капала с его пальцев ног, окрашивая мой матрас мокрым, малиновым оттенком, который медленно окутывал всю мою простыню.

Тем не менее, я подошел к своей кровати с той же жутью кипятик через мое пустое выражение, не заботясь о мире в целом.

Я лежал на кровати, как я чувствовал, моя больная голова, наконец, получить остальное, что он хотел в первый раз, в то время как моя сонливость победил мои мысли. Я моргнула уставшими глазами, глядя на качающееся тело Майка на вершине моей, чувствуя, как его кровь капает на мой пупок каждые несколько секунд.

Затем, бог знает, какие глупые уловки мой мозг делает со мной, висячий труп Майка двигался все время так слегка, заставляя мое и без того парализованное тело смотреть на его безжизненное и скорбное выражение. Тем не менее, через некоторое время, что мучительное выражение его искаженное когда-либо так слегка, чтобы превратиться в его обычную улыбку нежным и добрым, как и вся боль в мире не существует, как и вся боль во мне медленно ползает в сторону от моего бьющегося сердца.

А потом...

Я думала, что покончила с этим, но...

Когда я увидела Майка в таком виде, я...

Я снова заплакала, когда почувствовала, как мое тело впадает в первозданное состояние сна, когда я смотрела на улыбающееся лицо Майка.

"Тук-тук".

"Эй, ты там? Это я, Джимми!"

<http://tl.rulate.ru/book/35095/952850>